

Бахит

Каирбеков



ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

НА СТРЕМЕНАХ

Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах.

Арсений Тарковский

Теперь уж точно я всего не вспомню –
Инстинкт самозащиты выбросил ключи
От всех дверей тех потаенных комнат,
Где всё случилось...
Где тишина предательски молчит...

Там многоточие я вставлю поневоле...
Кто знает – вспомнит... мне, так скажем, лень...
Продлить те муки... совестно и больно...
Закатный луч так удлиняет тень...

Тень прошлого останется пусть тенью,
Что вглядываться в то, что потеряло плоть:
Там пьяный сор и пепел откровений...
Всё то, что мы смогли перебороть...

Перебороть – не значит победить...
Так побеждают еле-еле... по очкам!
Вот потому мне легче точечку продлить...
Все пропуски и паузы... Все отмычки...
Отдать врачам...

* * *

Не город – сплошь цитаты, имена,
Причал судеб и точка расставаний,
Печали осень и любви весна,
И море чувств – душевных излияний.



Стихи и песни – исповедь, дневник,
 Следы войны – на стенах и сердцах,
 Лишь моря тот же величавый лик,
 Прощать привыкший всё, что сказано в сердцах!

Одесса – что за имя?
 Как пароль,
 Всех вовлекающий во флирт и авантюру,
 В самообман, в несыгранную роль,
 А то и в анекдот, что попадаешь сдуру...

Одесса – ожидание, надежда –
 Порт-пункт обмена опыта и чувств,
 Загадка – где ответ приходит прежде
 Вопросы-выстрела из покоренных уст...

ОДЕССА В ЯНВАРЕ

Извозчик стоит.
 Александр Сергееч прогуливается...
Булат Окуджавы

Оплетенный ветвями дерев
 Зимний город покажется старым.
 Снега нет...
 Озирается каменный лев,
 Будто ищет желанную пару.

Что ищу я в январскую пору
 У остывшего Черного моря,
 Бросив гордые снежные горы,
 Будто кто меня с ними поссорил?

Ну зачем мне впиваться в морщины
 Стен, скульптур, барельефную вязь?
 Не найти за январской личиной
 С чудным прошлым желанную связь...

Очутиться с кумиром в былом,
 Прикоснуться к эпохе забытой:
 «Вот эта улица, вот этот дом...»,
 Двери накрест хламидой забиты...

Но не сдается надежда и змейкой –
 Взглядом скользит меж щелей...
 И вот уж сажу на желанной скамейке,
 Великих стесняясь теней!

* * *

...разве я сторож брату моему?

Ответ Каина Богу

Весёлый почитатель Геродота,
Истории скептический фанат,
Мечтаю обежать немалую Европу,
И Азию успеть увидеть был бы рад!

Увы, кругом война – не миф – реальность.
Далекая и близкая – бессмертная беда!
И что страшней всего – незримая и тайная:
Смертелен воздух наш,
Отравлена вода.

И каждый миг, предмет – всё бомба!
Всё может разорвать тебя – убить!
Не спрятаться ни в доме, ни в катакомбах,
Когда твой враг – твой брат, его не победить!

Ведь он одной с тобой кровинушки и веры,
И как делить с ним землю – великий мир родной!
И для него, и для тебя в итоге – всё потеря!
Кому писать историю, убитую войной?

СЕВАСТОПОЛЬ

Я хочу, как слепой, город белый ощупать –
Прочитать барельеф – эту лепку лица,
Зная: камень твой – бутовый, грубый,
Оживает, живет в благодарных сердцах

Тех, кого приютил, обогрел и возвысил,
С кем ты рос, хорошел на глазах,
С кем мечтал о кипучей строительной жизни,
На семи поднимаясь суровых ветрах.

Обещал перекресток великих потоков
Поднести всех морей дорогие дары,
Но, увы, накатила на город жестокость –
Череда испытаний военной поры.

...майским днем пушек греются дула.
Маслянистый чугун под ладонью моей
Помнит призрак окопный, бесстрашный, сутулый
За изрытою оспой разбитых камней.

Дно войны прячет зелень снарядов
 Под щербатою линзой промозглых ночей,
 Чую гаубиц немые прицельные взгляды
 Сквозь пахучую нежность зеленых ветвей.

Я хочу, как слепой, этот город ощупать,
 Полюбить барельеф незнакомый лица...
 Чтобы статных домов величавые губы
 Мне поведали быль боевого родства.

РЕКВИЕМ РЕКВИЕМУ

Опять поминальный приблизился час.

Анна Ахматова

Я продолжаю реквием друзьям,
 Такая участь – пригодиться напоследок!
 Мне, как и Моцарту, я знаю, завершить нельзя
 Печальный опус провожанья в Лету!

Не завершу его – и слава Богу!
 Устал я слезы лить и рифмовать беду!
 Со временем, как говорят, ступая в ногу,
 С ушедшими, я с вами добреду

До вечного – пусть светлого – порога,
 Не жажду встречи, но, надеюсь, обрету
 Покой средь вас, и светлая дорога
 Нас уведет в безумную мечту

Быть вечно рядом, пить нектар любви,
 Хмельеть от счастья видеть вас такими –
 Веселыми и не считать часы и дни...

Не вспоминать!
 Но жить опять живым с живыми!

АЙЯ СОФИЯ

Размытые пороги храма
 Потоками людей...
 Подошвы лет истерли камни...
 Прохладно здесь в миру теней.

Упрёком колокол горбатый,
 Смирненно украшает пол...

Иконами былая святость,
Но лика нет – он весь отцвел.

Угас, как угасает чувство
Любви, восторга, озаренья!..
Безбрежно каменное устье
Реки Забвенья.

В КАТОЛИЧЕСКОМ МОНАСТЫРЕ

Всё иначе... придуманный образ
Не совпал с посещением святынь.
Жаждет чуда душа, но живучая проза
Не подарит мираж – это чудо пустынь.

Покупаем удачу, здоровье –
В виде ключиков к ларцу чудес...
И ни капельки жертвенной крови!
Прост, обыден молитвенный тест.

Но свечу возжигая...
Но молитвы слова вспоминая...
Но в любви к родным признаваясь...
Но Его душой обнимая...

Стамбул

В КОСТЕЛЕ СВЯТЫХ ПЕТРА И ПАВЛА

Вознесется дымок сизой струйкой свечи,
Вслед за ним вознесется, истает хорал,
И могучий орган отзвучит, замолчит,
Вновь останется мир беспризорен и мал.

И сиротами смолкнут всё те же вопросы,
Но душа пусть на миг осознает себя,
И уже никого ни о чем не попросит,
Просто вспомнит, зачем посетила тебя.

Вильнюс

* * *

Чего же мне не плакать, если плачут
Иконы, ивы, даже небеса...
И что на самом деле значит –
Невольно пролитая чистая слеза?

Быть может, это рудимент –
 Души зачаток иль остаток?
 Еще не найденный незримый элемент –
 Природы след, небесный отпечаток?

Не мне в ней уличить измены
 И обвинить в приёме, маске, лжи...
 Я верю ей – незамутненной тени,
 Она и есть – дарованная жизнь.

Она и есть – бессмертия родник,
 Та самая о небе память,
 Что нас, земных, с пророками роднит,
 Являясь нам непростительными снами.

Я верю, это – чистый бриллиант,
 Что свойством обладает редким –
 Вобрать в себя эмоций океан,
 Оттенки все подаренного света!

Вот так и мне бы жить светло,
 В печали отогреть снежинкой,
 Желанным вспомниться теплом,
 Обжечь нечаянной слезинкой!

КЕМЕР

Подножкой берег... И волна, споткнувшись,
 Летит, беззлобно пенясь и ворча...
 Покой на море убаюкивает душу...
 Вот где уж точно я – калиф на час!

И от тревог, забот, от родины далекой
 Защитой горы мне – от ветра перемен.
 Заткнуть за пояс – благо, он широкий –
 Багаж дешёвый – медяки проблем!

Пускай на время воцарить над миром,
 На троне Тахталы в стране озёр,
 С Гомером на его кемерской лире
 Воспеть былое легендарных гор.

В Кемере пью и ем, не зная меры,
 Как боги на Олимпе. Подо мной Пегас,
 Он помогает мне убить в себе Химеру,
 Ах, сколько их, химер, еще бытует в нас!

Как ни губи их, оживают снова,
Как на горе сквозь щели вспыхивает газ...
А я, огнепоклонник, вновь поверю в силу слова,
А значит, окунусь, как в море, в гомеровский рассказ.

И вновь во сне меня золотой уздечкой
Кочевница Афина поманит оседлать
Крылатого коня!

...но не подарит вечность.

Как Беллерифонту мне
Бессмертным уж не стать!

Кемер (*тюрк.*) – пояс, ремень.

Городок Кемер «защищен» с севера поясом Таврских гор.

АНТАЛИЯ

Восход над морем обозначил профиль
Летающих гор, синееющих вдаль,
Они плывут... видны пока... но вскоре
Растают, как мираж, как те же корабли.

А море заволнуется, задышит
И устремится к берегу, к цветам,
Что распускают все застежки еле слышно,
Чтобы довериться ласкающим лучам.

Не жарко в сентябре – тепло, уютно,
Лучи, как иглы сосен, пушисты и мягки...
Неслышно птиц еще. И кажется, что утро
В начале мира было именно таким.

ЛИКИЯ

И завораживает действие древних фресок:
Как, не теряя красок, осыпаться в прах
И вновь примниться в мире лжи и лести
Всё с той же стойкостью в немеркнущих очах!

Не воскресение, но память обернется былью,
Пропитанная плотью мастерства!
Сырая известь с мраморною пылью
Окрасится и явит чудо, чтоб жить века.

Так, проявляясь, фото возвращает время,
Казалось бы, упущенное – яркий миг!

Так накипь фресок – сотворения преемник –
Через века являет чудотворный лик.

Окаменевшее творенье изумляет
Своею искренней бессмертной красотой!
Каменья тоже дно маняще озаряют,
Но вынешь из воды –
Тускнеет дар морской.

И повторюсь про действо древних фресок,
Здесь на перекрестке четырех морей,
Средь многих перелистанных известий
Я вновь набрел на истинных друзей,

Не на святых угодников и жителей небес,
Что уронили в душу мне елей,
Но сотворцов, чьих красок мраморный замес
Бессмертней оказался храмовых камней!

* * *

Вдох и выдох – жизни ритм,
Пауза в нем всегда чревата!
В ней рентген всегда узрит,
Что же в нас, увы, неладно.

Пауза – верная предтеча
Недобора сил и сна.
Пауза – миг. И пауза – вечность.
Боли, радости – слеза.

Помпа жизни: вдох и выдох,
Сердца бег – бессменный труд.
Неприметно, ненасытно
Дышит мир живой вокруг.

В самолете из Кемера в Стамбул

ОДА ДНЕВНИКУ

Дневник – петля, аркан, курук –
Поймать неповторимость жизни,
Лассо набросить на скаку
На шею дикой и капризной!

Остановить незримый бег
Минут неукротимых!..

И заарканенный твой век
Своё узнает имя.

Как любо жить здоровой страстью –
Арканить лучшие мгновенья,
Добыть лошадку редкой масти,
Назло всем зарисовкам тленья.

Сгодится всё, что под рукой
Окажется и попадет в страничку:
Примета, мелочь, штрих любой,
Характер, жест, приколы, привычка.

Сослужит службу пусть тебе
Сачок, уда, багор, тенёта...
Уловишь ты в орущей чехарде
Гармонию полёта.

И жизнь как в небе птичий гай
Желанной родиной станет...
Дневник, мой спутник, продолжай
Свою охоту утром ранним!

Дариджа

БАРДАК ЧАЯ

Тюльпанчик чая – черного, густого,
Бутонок пламени, алеющий в стекле,
Кто б мог подумать, что судьба сурово
С тобой сведёт и станешь дорог мне!

Цветок с забавным именем, искомый,
Не раз ласкал твои округлые края,
Ты был единственным в краю чужом знакомым,
Как посох путника – пусть хрупкий – для меня.

Клубился ты дымком моей надежды,
Я нес тебя – как на алтарь свечу.
С тех пор ты греешь сердце, как и прежде,
Твоей отвагой я себя лечу.

Стамбула небо синее, иконой
Вздымаясь, вновь мой поднимает дух...

Бутонок любви – стеклянный, невесомый,
Согрей свечой и отведи беду!

ОДА ГОНЧАРУ

Если есть сопряженье ладоней,
Есть талант излучать тепло,
Пой, гончар! Пусть в песне утонет
Сглаз, как зависть, мирское зло!

Набери, как тесто, в ладони
Глины мокрый живой комок,
Как дитя, что вышло из лона,
Затаивший в себе голосок.

Шлепни смачно тугой комочек,
Акушеркой ему подмогни,
Чтоб и в этой субстанции сочной
Дух расправил плевры свои!

Чтоб и глина в ладонях запела,
Задышала от ласки твоей,
Заструилась, как девичье тело,
Свет свечи во мраке ночей!

Птицы горлышко, соло кувшина...
Шея лебеда, шейка домбры...
Как отзывчиво млеет глина!
Как ладони твои к ней добры!

Я люблюсь рукотвореньем
Новой жизни новых форм,
Жар ладоней – само вдохновенье,
Вот он, вечный божественный горн!

* * *

Кломп, кломп, кломп...
Постучусь в твое дивное сердце...
Не завянет признание это в любви!
Отвори мне и ты ту волшебную дверцу,
Что душою зовут чародеи-волхвы!

Я приду, ты услышишь, стуча башмаками,
Изотру их о камень в дороге к тебе,
Мы повесим на стенку, украсим цветами,
Пусть послужат они оберегом от бед!

От мороза и стыни, копыта и грязи,
От разлуки, от зависти, дури хмельной!

Как они неразлучные выйдем на праздник,
Кломп, кломп, кломп...
Потанцуем, родная, с тобой!

* * *

Фонари, столбы, дома
Все давно навеселе,
Наплевать им на густой туман,
С ветром спорят столько лет!

Не свалить их с ног – упрямых,
Ведь они – всё те же моряки,
Жаждой странствий так же пьяны,
Море – вот лекарство от тоски.

Вот и я кренюсь, пытаюсь
Уловить округу в объектив,
Слава Богу, надо мной витают
В небе ясном шпили и кресты.

Выпрямлю и я свой позвоночник,
К небу потянусь сквозь облака...
Жизнь – молитвы пара строчек...
Память, жаль, так коротка!

Но запомнить попытаюсь,
Город как теснину плеч,
Дружный мир мостов и стаи
Куполов, как место встреч.

КУРАК КОРПЕ*

Дочери Баян

Я усну – весь укрывшись твоим одеялом,
Пусть приснятся мне лица родных и друзей,
Что, казалось, всегда будут – щедрые – рядом...
Я укутан мгновеньями радостных дней...

И в ответ зазвучат все мои посвящения,
Поздравленья-тосты – и шутя, и всерьёз,
Что писались легко в дни крестин и рождений,
Все объятя мои, все признанья до слёз.

Весь в друзьях и стихах вспомню пух колыбели,
Зацелован подарком цветастым твоим,

Сам себе позавидую завистью белой,
Сколько нежности в нем – в одеяле любви!

Құрақ көрпе (каз.) – лоскутное одеяло.

MAME

Бадеш Хамзиной

1. Апатай

Напишу о тебе, своевольной,
И прощенья опять попрошу,
Что я был твоей давнею болью,
Той, которой теперь дорожу.

Ведь она, что года разделяла,
Стала памятью нашей с тобой,
Я другую любил, называл ее Мамой,
Ту, что мамой была для тебя неродной.

В этом судьбы – моя и твоя – будто схожи,
Счастье наше, что так повезло:
Стали мы для нее всех на свете дороже,
Одинокое сердце ее нас – чужих – берегло.

Это сердце, как свет негасимой надежды,
В нас вложила она, воспарив в небеса...

Жаль, тебе не успел обозначить всю нежность,
Что теперь обжигает слезою глаза.

2. Кенсай-1

Я заглянул в твою последнюю обитель,
В ковровом коконе пытаюсь угадать,
Твоей любви недопрочтённый свиток,
Начатая в девичестве тетрадь.

И вспоминается строка любимой песни,
Переведенная отцом: «Где ж ты, мой сад?»
Как, вскинув головы, вы исполняли вместе
Романс... как много лет тому назад!

Укутан в белый саван, как младенец,
Твой малый прах покой обрел,
Нет, не теснят его земли крутые стены,
Ты не в гробу, ковром твой устлан пол.

Не хлад земли, что нам, живым, так страшен,
Ковром тем победить, но нам, родным, теплой
От мысли, что с тобой микрон заботы нашей –
Ковер любимый твой – свидетель лучших дней.

Укрыли плитами подземный закуток,
А нас накрыло снежной тишиной...
Но верить хочется: отец не одинок,
Вы снова вместе, словно в песне той!..

Я заглянул в твою последнюю обитель...
Уютен так желанный нам покой,
Когда ты – кокон, ты – заветный свиток,
Заполненный провидческой рукой.

23.01.2020

* * *

Всё то, что полюблю, то точно потерю,
Красивое, оно ж всегда в цене!
Зато попроще вещь меня не покидает,
Потерянную даже, возвращают мне.

И потому бегу от дорогих витрин,
Держусь подальше, сторожась потери,
Но риск опять – фартовый господин –
Вдруг распахнет заманчивые двери.

И что? Кашне и зонт не по карману,
А то и очи в золотой оправе,
В беспамятство, как в омут черный канут...
Как будто жить богаче я не вправе!

И чередуются нежданные потери,
Бесценные, куда девались вы?..
Друзья – как мне в судьбу свою поверить,
В которой лучше избегать любви!

ДУБАЙ

Триумф ума над скудостью песка,
Он возвышается над ним так горделиво,
Оазисом прослыл он на века,
Маня туристов – даже самых прихотливых!

О, он не зря их тащит на сафари,
Быть может, в самый дикий уголок!

Скучает люд... Тоска нас точно старит,
Нам бы к костру, к огню – на шашлычок!

Немудрено, что шейх, и тот сбегает
От всех забот под звезды – в море сна,
Где так заботливо, как пледом, укрывает
Нас, сиротливых, неба тишина.

И потому он вроде и не город,
Скорее, павильон надгробий, башен, стел,
Он – луна-парк, гранд-молл, он давний морок,
Желаний сумасбродных беспредел.

Он победил суровую природу,
Но в этой схватке потерял, ранимого, себя...

Так показалось мне: я не нашел в нем брода
В пучине всё того же дорогого бытия.

БАЙОПИК

Жизнь моя – большая свалка,
Зиккурат мгновений, лет.
Артефакт – скорее жалкий –
Поражений и побед.

Словно бомж в чужих отбросах
Я на свалке той копаюсь...
Нахожу одни вопросы,
Все ответы проклиная!

Ничему не научили
Обещанья и потери!
Сколько было вроде силы,
Божьей помощи и веры!

Выпивоха, побирушка
Рад нечаянной находке...
Даже детская игрушка...
Даже порванная фотка...

Всё в монтажной пригодится
Для последнего кино!

Оживлю стихи и лица...
Моря канувшего дно...

* * *

Дюсенбеку Накипову

Он мне звонил, набрав желанный градус,
Как самолет, набравший высоту,
Какая разница – печаль иль радость,
Хотел общения, и лучше – на лету.
Ну как без топлива, без ритуала, позы,
Без увертюры, предвещающей балет!
Не танец, но души слетающие слёзы,
Парящих чувств крылатый след!
Ковид его не брал, но сердце подустало
В осаде жить бескрыло, пусть в гнезде,
И вот лазейкою нечаянно стала
Возможность в небо птицею взлететь...
Он мне звонил...
Теперь слова излишни.
Делиться можем всем, смакуя, не спеша...
Теперь земное – третий лишний.
Всё слышит в небе зоркая душа...

